

□□□□ Это почти авиационный детектив. Загадка следует за загадкой. И, кажется, разгадать их ну совсем не представляется возможным... Сия драматическая история как-то сразу рельефно, будто прожектором, высветила все лётные характеры: тут и ложь, и подлость. И высокий профессионализм выпускников ХВВАУЛ, и честность, и принципиальность. Одновременно повествуется и о том, как наш выпускник проводил лётные войсковые испытания новой (тогда) штурмовой авиабомбы ФАБ-500ш и на учениях поразил лётной дерзостью своего комдива и Маршала авиации Кирсанова.□

□□□□ Конечно, в повествовании почти все фамилии изменены. Поэтому любое совпадение следует принять за досадное недоразумение. Возможно, рассказчик поменял кому-то и имена, и место действия. Как знать? Но за суть, за точность диалогов и поступков автор ручается.

□□□□ А пока постарайтесь понять героев рассказа, вникнуть в суть побудительных мотивов их поведения, поставить себя на место молодого командира звена, командования полка, дивизии, чтобы раскрыть тайну атаки звена истребителей-бомбардировщиков по ротному опорному пункту...

□□□□ Мы специально разбили рассказ на две части, чтобы пытливые читатели могли высказать свои версии случившегося и самостоятельно ответить на все вопросы, поставленные в начале повествования...

□□□□ В рассказе реально показана сложная работа лётчика-истребителя, ведущего группы по решению совсем непростых задач воздушного бойца. Наличие специальных терминов понимаю происходящего не мешает. (Где это необходимо, для интересующихся даны пояснения.)

Юрий ФЁДОРОВ

ЧЁРНАЯ МЕТКА

(из будущей повести «Жизнь и удивительные приключения полковника Касатонова»)

□□□□ ...И вечный бой! Покой нам только снится...

□□□□ Сквозь кровь и пыль... Александр БЛОК, «На поле Куликовом» <<•>> □□□□ Искренне прошу Вас извинить меня за то, что описанный мною ад так похож на нашу с

Вами реальность. Но видит бог, что не моя в том вина...

Владимир БАУГЛИР, «Один день в аду»

Часть I. ПРОСТРАНСТВО ВАРИАНТОВ

1. ЛТУ И снова лётно-тактическое учение. Они идут прямо-таки чередой, одно за другим. То эскадрильское, то полковое. Ну правильно, военные лётчики должны быть воздушными бойцами!

«И всё-таки, это интересно – летать в боевом полку на современном истребителе-бомбардировщике!» — решает для себя командир звена старший лейтенант Юрий Касатонов.

Командир полка полковник Виталий Иннокентьевич Кутряшов поставил задачу по ЛТУ: уничтожить ротный опорный пункт (бомбардировкой с горизонтального полёта осколочно-фугасными бомбами ОФАБ-100нв со взрывателями мгновенного действия эскадрильей (звеньями) с истинной высоты 300 метров) и из пушек – колонну бронетехники на марше (стрельба парами). Всё реально. При превышении полигона плюс 80 метров относительно аэродрома базирования, это значит, что лётчикам следует бомбить, выдерживая по высотомеру высоту 380 м.

Кстати сказать, опорный пункт был всамделишный, он фортифицирован на полковом полигоне ротой солдат у подножья покатога холма (для них – практика, а для нас – цель), а бронетранспортёры на полигоне были выставлены из списанных и в них уже была не одна дырка от наших бронебойных снарядов. После атак истребителей-бомбардировщиков они годны теперь разве что на металлолом!

Погода с утра выдалась сложной. Облачность 10 баллов, с нижним краем 1400 метров, однако видимость вне осадков была хорошей – не менее 8 км. И хотя по документам в таких случаях над огневым полигоном при облачности 7 баллов и более нижний край облачности должен быть не менее 1800 метров, тем не менее, командиром полка полковником Кутряшовым под нажимом нового заместителя командира 29 адиб подполковника С.В. Таласова, присутствовавшего на подготовке к полётам и полётах, было принято решение летать смену ПМУ с тем, чтобы провести ЛТУ 2й эскадрильи.

Это стало вторым нарушением в цепи последовавших за принятием решения на ЛТУ. А какое первое? Дело в том, что бомбить с горполёта с высоты 300 метров ОФАБ-100нв без тормозных устройств и ввёрнутыми в них взрывателями мгновенного действия запрещалось категорически! С такими параметрами сбрасывать бомбы можно только выше или с 300 метров, но с парашютами либо со взрывателями, установленными на замедление. Однако об этом ниже...

У Сергея Викторовича Таласова лицо будто рублено топором: нос, скулы, даже лоб – всё острое. Если берёт у кого-то из пилотов тетрадь на проверку или, там, карту, схватит так, чтобы не вырвали, даже примяв всё. Говорит скрипучим голосом, как отрезает. Лётчики про него шутят: «морда ящиком», «руки граблями». Он – представитель какой-то малой народности. Ну, очень малой – таких, как он, говорят, осталось всего семь человек на земле. И вот один из оставшихся стал военным лётчиком и дослужился до немалой должности – заместителя командира авиадивизии.

Первый вылет 2я аэ провела слажено, отбомбились эскадрильей (цель хорошо,

кучно накрыли) и отстрелялись после роспуска попарно с боевого разворота по колонне бронетранспортёров с углом пикирования 10° , так как с углами 20° не позволял вводить нижний край облачности. Не знаю, как остальные, но Юрий Касатонов со своим ведомым лейтенантом Сергеем Алесеевичем свои БТР раздолбали. Бедные морские пехотинцы США! Если бы вы были в них, вам бы здорово не повезло – глаза у нашей пары сегодня были точными, а руки твёрдыми!

Собрались пилоты сперва звеньями, затем эскадрильей и вернулись на точку.

Во втором вылете задачу изменили из-за погодных условий: нижний край облаков уменьшился до 1200 метров. Решено было бомбить по звеньям на пятиминутном интервале. Пилотам, не входя в облачность, тоже звеньями следовало вернуться на аэродром. Роспуск и посадка по одному. Стрелять из пушек запретили, ибо кое-где облачность космами «провисала», а по району местами шли ливни. И эти ливни подошли вплотную к полигону.

Уже на маршруте командир эскадрильи майор Орлов передал на КП и командирам звеньям, ведущим за ним свои группы:

— Над ППМ-3¹ большая площадь с ливневыми осадками до земли и градом!

Комэск изменил своё решение на боевые действия и дал команду: после ППМ-2 идти на полигон. Этот вариант не предусматривался в подготовке, данные по расчёту полётов от второго поворотного пункта к полигону у лётчиков на полётных картах не были просчитаны. Но вся надежда на то, что командиры звеньев хорошо знают этот безориентирный горный район полётов и выведут свои четвёрки на цель.

По радиообмену Касатонов слышит, как звенья перед ним одно за другим от второго поворотного пункта идут на северо-восток, потом переходят на канал огневого полигона. А Юрий что, рыжий?

В след за звеном капитана Валентина Герасименко вывел звено на ППМ-2, доложил на КП, и тоже берёт курс, приблизительно в направлении на полигон, решив сориентироваться по ходу полёта. В случае затруднения с ориентировкой, он решил выйти на железную дорогу Улан-Батор – Сайшанд, опознать 12й разъезд, рядом с которым расположен аэродром истребителей Маниту, а там всё родное, откуда до полигона рукой подать.

Вскоре молодой командир звена понял, что они идут верно: прямо по курсу увидел и бетонку Маниту, а потом и полигон.

— 943й, сокращаем дистанцию и интервалы! — подаёт Юрий команду ведомым. — В плотные боевые порядки!

Затем повернулся и с разрешения командного пункта приступил к снижению.

К высоте 400 м по прибору (истинная высота над целью по расчёту должна быть 320 м) Касатонов перевёл истребитель в горизонтальный полёт и мельком через перископ глянул на ведомых. Три самолёта находились в правом пеленге 30 на 25 метров и стояли как привязанные. Звено как раз проходит над точкой коллег из истребительного полка, пусть полюбуются. Юрий хотел покачать им крыльями, но решил не пугать своих ведомых.

— 943й, переходим на восьмой <канал>.

— 943й, группой на восьмой, — разрешает КП.

— Переходим, — это команда для ведомых.

Юрий перещёлкнул ручку радиостанции парой щелчков. Слушает внимательно эфир, ждёт подтверждения своих ведомых, что они тоже перешли на эту частоту.

— 944й.

— 945й.

— 946й...

Осмотрелся. Впереди-слева, впритык к полигону на траверзе цели замечает стену дождя, буквально до земли, там ливень шёл вовсю. Подумалось:

«Но это нам не должно помешать, мы успеем отбомбиться до подхода осадков».

Ведущий обнаружил и опознал цель, подворачивается на неё.

Отмечает на указателе скорости: узкая стрелка истинной скорости устойчиво держится на делении 900 км/ч, вместо расчётной 850 км/ч. Однако прибирать обороты двигателю Касатонов не стал – самолёты уже легли на боевой курс и командиру звена не хотелось, чтобы его ведомые начали дёргаться: какое уж тут будет кучное бомбометание! Конечно, в этом случае бомбы Юрия упадут с незначительным перелётиком. Но ничего, зато бомбы его ведомых накроют цель. А средства поражения подвесили хорошие – ОФАБ-100нв. Это довольно «летучие», осколочно-фугасные 100-кг капельки, которые дают хорошее поле осколков и поражают ударной волной, противнику мало не покажется!

«Блеск! Как давно я к этому шёл! Вот она, Мечта! Я – лётчик-истребитель и участвую в ЛТУ, готовлюсь сам и готовлю своих подчинённых к реальным боевым действиям! Я – командир авиационного звена!» — подумалось Юрию.

И он снова посмотрел на своих ведомых в перископ. Каждый лётчик выдерживает своё место в боевых порядках звена (заданные дистанции и интервалы до впереди стоящего самолёта) и ждут его команд.

«Так! Отставить! Высокомудрствовать собой будешь после выполнения боевой задачи! Тем паче, в этом полёте всё зависит от меня, ведущего! Главное сейчас – мне хорошо прицелиться».

Взгляд снова на высотомер, на ДА-200²: вертикальная на нуле – шли в горизонте без скольжения на 400 метров... Это очень важно: закрыть цель капотом своего самолёта в горизонтальном полёте: будешь в этот момент с набором, даже незначительным, раньше закроешь цель, раньше начнёшь отсчёт, раньше сбросишь бомбы; со снижением – всё то же, но позже; и то, и другое повлияет на точность бомбардировки и бомбы упадут с недолётом или с перелётом. Притом, довольно приличным...

И снова беглый взор молодого командира звена в перископ на ведомых. С удовлетворением отмечает – звено, как и отработывали на земле, шло в плотных боевых порядках, все ведомые держались с превышением относительно самолёта ведущего.

Гряда гор Б**-нур по диагонали проносится под крылом. Это единственное место, где под истребителями оказалась истинная высота 110 метров.

Но вот эта гряда позади. Впереди распознанная цель. Ещё секунд двадцать относительного спокойствия. По перископу ведомые – как на параде!

Вот и граница полигона. Своим позывным для лётчиков звена ведущий подаёт команду:

— 943й, включаем!

Юрий откидывает вперёд гашетку боевой кнопки на ручке управления. И только после этого быстро тянется левой рукой к «бородe» приборной доски и, сохраняя горизонтальный полёт, переводит вверх выключатель «Тактического сброса». Всё! Теперь бомбардировочное оружие готово и после нажатия гашетки боевой кнопки на

ручке управления бомбы понесутся к цели.

— 943й, на боевом, цель вижу!

РП на полигоне тут же откликнулся:

— 943й, вас наблюдаю, атаку разрешаю!

Указательный палец правой руки на гашетке. Ну, держись, америкосы! Сейчас вам мало не покажется!

Так! Цель!.. Скорость – высота – ДА-200. Цель... АГД – вариометр. Цель... Высота – вариометр. Цель...

Вот холмы, где впереди у подножья расположен замаскированный кое-как ротный опорный пункт противника, это всё подходит к носу самолёта Касатонова.

Цель... Вариометр. Цель... Цель!.. Цель!!!

И в следующее мгновение капот накрывает точку прицеливания. Юрий мысленно начал отсчёт:

«Двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать...»

— **Сброс!!**. — кричит он в эфир и в следующее мгновение: — Горка!!

И почти сразу Касатонов потянул с перегрузкой три единицы вверх, подальше и повыше от места, где должны были прогреметь взрывы...

Угол 15° и Юрий фиксирует этот уголок по АГД.

— В набор!! ГОРКА!! **В НАБОР!!!** — услышали лётчики истошные рёвы голосом начальника ВОТП³ полка майора Белова, руководителя полётов на полигоне.

«Да мы ж и так в наборе!» — подумалось Касатонову.

Он глянул в перископ: сзади увидел лишь два самолёта! Ни хрена себе! А кого нет? Влад! На месте 945го, ведущего второй пары – «дыра», лейтенанта Везеловского в строю не было! И где его черти носят?

Ещё через пару секунд эфир тревожно прорезали **вскрики, почти вопли** лейтенанта Олега Ряпцева, крайнего ведомого в звене, ведомого Влада:

— **945й!.. 45й, убери крен!!! Выведи из разворота, 945й!!! Убери крен!!! 945й, выводи из разворота, группа справа!!!**

Вот почему Касатонов видел только двоих – лейтенанта Алесеевича и лейтенанта Ряпцева! Как могло быть такое, что лейтенант Везеловский оказался вне строя – непонятно! Очевидно, после сброса бомб он на что-то отвлёкся и... Отвлёкся? На что? И потерял группу... После бомбометания с горполёта в плотных боевых порядках? Как такое возможно?

И тут же мгновенно Юрий замечает в перископ, как сзади-слева от группы истребитель Влада входит в стену дождя, что была у границы полигона.

«Так! Все живы-здоровы, разберёмся потом!»

Нажимает кнопку передатчика:

— 946й, поспокойнее в эфире! Ладно?

— 946й понял, — ответил Олег уже спокойным голосом.

«Не черпануть бы облака! — мелькнуло у ведущего в сознании.

Облачность уже была близко. Как будем выводить из горки? Слева до земли стояла стена ливневых осадков, и где-то в ней Везеловский. Справа находились ведомые. Командир звена решил выводить, плавно отдавая ручку от себя, уменьшая уголок набора и переводя свой самолёт, а значит и всю группу, в горизонтальный полёт.

Решено – сделано. Уменьшает угол, занимает положение, соответствующее горполёту.

Так! Ведомые на месте. Одновременно отыскивает глазами «мигарь» Влада. Истребитель Везеловского тут же с небольшим правым креном выходит из дождя. Ведущий спрашивает в эфир:

— 945й, нас наблюдаешь?

Влад молчал.

— Смотри справа под 60!

— ...Э-э-э... Наблюдаю.

— Пристраивайся! Займи своё место! 946й, оттянись чуть назад.

Везеловский подходит слева-снизу и занимает место в строю по боевому расчёту. Звено в сборе.

— 943й группа в сборе, отошёл на Грушевой, 1100. Выше не могу – дальше облачность.

— 943й отход на своей! В облака не входить! Переход на стартовый!

— 943й, переходим!

И звено пошло домой.

С разрешения РП пронеслись красиво над полосой со снижением до 25 метров (что у них было по заданию), красиво распустились строем. Посадку произвели по одному.

2. ХАРАКТЕРЫ. «ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ» *Любовь к делу не рождается с первого взгляда.*

генерал-майор авиации Арсений ВОРОЖЕЙКИН,
дважды Герой Советского Союза, выпускник Чугуевского ВАУЛ 1937 г.

После посадки Юрий Касатонов вылез из кабины, расписался в журнале подготовки самолёта, что замечаний по работе техники нет, похлопал по крылу ястребок. Стягивая с рук шевретовые перчатки, отошёл в сторону к отбойнику и стал поджидать своих лётчиков.

Первым приближается лейтенант Везеловский. Близко не подходит, знает, что сейчас будут с ним разбираться и наверняка пороть. А сегодня опять пороть есть его за что! Поэтому Влад делает вид, что ему очень нужно прикурить, а поскольку кэээ и

остальные лётчики звена некурящие, следовательно, он, вроде как бережёт здоровье своих товарищей. Он даже показал сигарету и произнёс:

— Я покурю...

Чтобы командир, значит, правильно его понял. Касатонову эти его психологические манипуляции ясны, но он не стал возражать.

Следом быстрыми шагами, как ёжик в тумане, подошёл невысокого росточка всегда убийственно спокойный лейтенант Сергей Алесеевич, ведомый командира звена, а потом и Олег Ряпцев, ведомый Везеловского.

В строю Серёга держится просто превосходно, но по характеру несколько шебуршной. Однако Юрию нравилось с ним летать – любо-дорого, как Сергей при любом маневрировании ведущего сохраняет своё место в строю; какой скажешь боевой порядок держать, такой и будет! Олег вечно чем-то недоволен, никак не может наладить отношения со своими товарищами, с которыми выпускался из нашего училища: он их почему-то презирает, они его в ответ ненавидят; Алесеевич тоже из выпуска Ряпцева, занимает нейтральную позицию, ибо приходится летать с Олегом в одном звене.

Ведомый кэээ ещё не отошёл от выполненного боевого вылета и Сергей делится впечатлениями:

— А я после атаки цели на горке думаю: куда ж ты будешь выводить? Справа мы стоим, ты, вроде, не будешь создавать крен на нас! Слева – пелена дождя, тем более не поведёшь в неё строй.

Влад от последней фразы наострился. Ему это было интересно и он, забыв, что решил побережь здоровье своего любимого командира звена и товарищей, тут же приближается, наострил ушки, даже распахивает глаза.

А Сергей продолжает:

— Ну, думаю, или всё же будет разворот на нас, либо плавной отдачей ручки от себя. Точно! Так и случилось! Ручечку от себя, и мне не пришлось прибирать обороты перед разворотом в мою сторону!

— Хорошо, что мы понимаем друг друга. Мне нравится, Сергей, что ты умеешь ставить себя на место своего ведущего и мыслить на пару ходов вперёд!..

Касатонов посмотрел на своих лётчиков, и говорит:

— Начинаем слепополётный разбор.

Ждёт, когда Везеловский выбросит сигаретку, но он, как ни в чём ни бывало, продолжает со вкусом её посасывать, будто команда его не касается.

— Кончай курить! — повернулся к нему Юрий.

— Да ничего, — решает Влад за командира звена. — Это не помешает, я буду в сторону дымить...

Просто непостижимо, как некоторые не вникают в элементарное: его сейчас будут сечь, аж искры из глаз пойдут, слишком серьёзные ошибки допущены им в полёте, а он качает свои права и пытается здесь что-то из себя никому неподвластное изобразить! А, может, наоборот, для того и корчит перед всеми независимость, чтобы меньше драли? Мол, что ты мне здесь рассказываешь – и я, и ты прекрасно сознаём, что всё это – бесхитростная игра: ты изображаешь из себя начальника, а я, так и быть, немного, чуть-чуть побуду твоим подчинённым!..

— Я непонятно выражаюсь? Или негромко говорю? Сигарету выбросил!

Лётчик с недовольным видом напоследок делает несколько жадных затяжек. Как

перед смертью. Будто последние в своей жизни, ибо в следующие 30 секунд его обязательно расстреляют. Да и надо показать самому себе, что он хоть в чём-то инвариантен.

Глядя на Везеловского, кэээ строго спрашивает:

— Почему перед взлётом не отвечал? Я искал тебя на всех рабочих каналах. Уже хотел зарулить звено. Почему молчал?

— У меня фишка шлемофона рассоединилась!

— Фишка виновата? Или лётчик? Почему она рассоединилась? Почему не следишь за ней?

— Я увидел, что вырुливаем на полосу без запроса, понял, что связи у меня нет, проверил и подсоединил!

— Проверил аж перед самой ВПП? В шлемофоне радиообмена нет несколько минут, а тебе всё по боку и ничего не настораживает?

— Ну, так получилось...

— А почему у тебя всё время что-то получается? Это с разлётом шлемофона у тебя не первый раз! Создай правило: подсоединил фишку и засунь её под ремни подвесной системы парашюта. Тогда движением руки она не рассоединится. А вообще не понимаю: что ты там резкого в кабине руками делаешь? Машешь ими как крыльями?

Влад промолчал. Впереди у него самое тяжёлое. Надо будет держать ответ за то, что после сброса бомб потерял группу.

— Так. Теперь... Олег, что за истерические вскрики в воздухе?

— Я увидел, что Везеловский... С креном пошёл в сторону от строя... Я понял, что он нас потерял!..

— С Везеловским сейчас разберёмся. Зачем кричать так в эфире? Что, пожар? Катапультирование? Нельзя спокойно сказать?

— Я уж думал, что вы столкнулись, — проговорил, улыбаясь, Алесеевич.

— Ну, столкновение – не дай бог, а вот то, что Везеловский потерял группу при бомбометании в простейшем горизонтальном полёте, это уже никуда не годится! Рассказывай, Влад!

— ...Ты скомандовал «Сброс!», вы с Алесеевичем сбросили бомбы... Я сбросил чуть позже... — И далее скороговоркой: — Потом смотрю: вы уже в горке!..

— Стоп-стоп-стоп! Как это, «сбросил чуть позже»? Ты чо, Везеловский?! Это что за новости? Какое ты имеешь право бросать в группе не по команде ведущего, а «чуть позже»? А, значит, и позже вводить в противоосколочный маневр? Хочешь, чтобы у тебя вся ж*па в осколках оказалась? У нас бомбометание с малой высоты осколочно-фугасными бомбами, да ещё со взрывателями мгновенного действия! Кроме того, ты летишь в составе звена! Мы – одна группа! Выполняем одну боевую задачу!

Везеловский переминается с ноги на ногу и смотрит в сторону. На скулах у него ходят желваки.

— Чего молчишь? Я хочу знать причину! Я всё равно по САРПП⁴ обнаружу, насколько позже ты нажимал боевую кнопку! Наложу плёнки одну на другую и увидим, кто и когда выводил из атаки! Что было в полёте?

Влад посмотрел на командира звена с потемневшим лицом. Его самолюбие любое замечание переносило с трудом.

— Да я... Увлёкся прицеливанием...

— Прицеливанием? По какой цели?

Везеловский немотствовал.

— Ну и что толку, что ты отцепил бомбы от самолёта «чуть позже»? Они что, попадут в нашу цель? В этом случае твои бомбы упадут с огромным перелётом! Ты этого не знал? Цель была уже почти под нами! Да тебе противник за такое бомбометание при жизни памятник должен поставить! Смотри! У нас скорость 900 километров в час, это 250 метров в секунду! Задержка со сбросом на полторы-две секунды приведёт к тому, что твои бомбы упадут с перелётом на 375-500 метров! В любом случае, это оценка «неудовлетворительно» и предпосылка <к лётному происшествию>, ты понял? Да лучше бы ты их привёз домой! Куда ты их запузырил?

Влад снова стыдливо промолчал.

— Дальше, Везеловский!

— Дальше, — тяжело вздыхает незадачливый лётчик и мельком глянул на Юрия. — После сброса я тоже перевёл в набор... Потом... это... — тут ведущий второй пары посмотрел на Сергея Алесеевича, припоминая, что тот только-только говорил о выводе из горки. — Смотрю: ты уменьшаешь, причём резко уменьшаешь угол горки...

Это была попытка свою ошибку потери группы переложить на командира звена, и хоть в чём-то обвинить кого-то ещё, что быстро смекнул Алесеевич:

— Не резко! Влад, не надо п*здеть! А плавно и в пределах допустимого для группы! В резком выводе из горки надобности не было!

— ...Для тебя не резко, а для меня резко!.. — огрызнулся Везеловский. — И Алесеевич за тобой! А я не успел! Понимаешь, не успел! Оказался выше и закрыл собой Алесеевича... Поэтому ушёл влево... С докладом...

— Доклада я не слышал! — проговорил Касатонов.

— И я, между прочим, тоже! — безжалостно добавил Сергей.

— Может, Ряпцев забил? — стоял Везеловский на своём.

— Ага! Виноват ещё и Олег! Блеск! — с презрением Юрий смотрит на своего старшего лётчика.

Потерять группу на бомбометании с горизонта – это серьёзная ошибка. А не доложить об этом – ещё большая оплошность, чреватая столкновением самолётов группы в воздухе.

— Накладки радиообмена в эфире тоже не было! Будешь настаивать? Может, плёнку магнитофона запросим с полигона? А потом тебе вдуть по полной? Чтобы врать было неповадно!

Везеловский молчал.

— Почему Олег видел нас, а ты нет? Почему мой ведомый Алесеевич и твой ведомый Ряпцев удержались на своих местах, а ведущий второй пары Везеловский – «не успел»?

— Я не знаю... — и вдруг окрысился: — Чего ты от меня хочешь?

— А ну, успокойнее! Я не из тех, кто от твоего крика спрячется под лавку! — повышает голос кэээ тоже и переходит на официальный тон. — Если вы этого не понимаете, товарищ лейтенант, я в соответствии с НПП провожу послеполётный разбор полёта и вашей грубой ошибки! И это только начало! Что хочешь? Хочу знать правду!.. Я задал вопрос!

Везеловский молчал и зло смотрел в сторону.

— Отвечать!

— Не знаю!.. Не успел...

— Вы уверены, что сбросили бомбы в горизонтальном полёте, а не потеряли высоту на боевом курсе?

— Нет-нет, высоту я не терял! — быстро проговорил Влад.

Но в командирские глаза усиленно избегает смотреть.

— Вы забываете, что у нас есть хороший свидетель – РП полигона. Кому он кричал: «В набор! Горка! В набор!!»?

— Ну... Группе, наверное!

Влад нагло врал. И всем это было понятно.

— Чего? Мы к тому времени уже были в наборе с углом 15°! Так, Алесеевич?

— Совершенно верно!

— Так, Ряпцев?

— Ну да.

— Зачем лгать, Везеловский? Всё было у РП на глазах! На разборе это всё равно выяснится!

Влад пожал плечами:

— Конечно, выяснится!

Это была попытка лётчика по-детски оттянуть момент вины. Хоть на какое-то время, но оттянуть! Он знает, что Белов на полковом разборе расскажет, как было, а не так, как хочется услышать ему, Владу. Но вдруг случится чудо? Или, там, Третья мировая война начнётся...

— Хорошо! Это недолго! Только потом не надо кричать, что тебя не так поняли, и твои слова были извращены! Ладно! Потерял из виду группу! Дальше!

— Вправо-то мне было нельзя уходить – там Ряпцев. Я пошёл влево...

— А слева были мы с Алесеевичем! И что? Ты не доложил о потере группы и ввёл в разворот, не видя нас? Почему не доложил?

Везеловский снова молчал. Он уже не настаивал на своём докладе в эфир, получить взыскание и за это враньё не хотелось.

«А наказать придётся! Обидится... Да чёрт с тобой, обижайся! Засранец!» — подумалось Касатонову.

— И это – простейшее бомбометание с горизонтального полёта! — заключает командир звена.

Пауза.

— Олег, поспокойнее в эфире! Молодец, что всех видел, что не потерял ни нас, ни Везеловского! Но такие истошные вскрики недопустимы. Представь, что ты уже командир звена. Ты же перепугаешь всех своих ведомых!

Юрий снимает ларинги с горла, кладёт их в карман комбинезона.

— А с тобой, Влад, даже не знаю, что делать! Уж как мы всё перед полётами отработываем! Я тебе, старшему лётчику, на тренажах больше времени уделяю, чем просто лётчикам! Почему бомбометание по моей команде не произвёл? Для кого я даю команды? Почему занимаешься самодеятельностью?

— Я думал... Прицелюсь получше...

Другими словами: не я дурак, а так задумывалось, делал всё специально; ну просто не получилось!..

— Куда? По какой цели прицелишься «лучше»?! — прикрикнул кэээ. — Цель уже почти под нами! Все бомбы пойдут с перелётом без варианта! Или ты этого не понимаешь?

«Нет, тут что-то не то!» — размышлял командир звена, глядя на незадачливого подчинённого.

— Ну что ты так смотришь? — не выдерживает Везеловский.

— Я пытаюсь понять, для чего это тебе понадобилось! И что ты стараешься этими своим самостоятельным бомбометанием от меня скрыть!..

— Ничего, — буркнул Влад и повернул голову в сторону самолётов на ЦЗ. — Рассказал, как было!

— Ты рассказал, как тебе хочется, чтобы было... Что тебе ещё по полёту непонятно? Ведомые при бомбометании не прицеливаются «лучше», а выдерживают своё место в строю и бомбят по ведущему! Или впервые об этом слышишь?.. «Думал», «получше», а потом РП полигона кричит тебе: «В набор!» Куда ты теперь отцепил бомбы, сбросив их через полторы-две секунды от расчётной точки?

На Везеловского жалко было смотреть. Но Касатонов его не жалел — слишком подло он себя сейчас повёл!

Помолчали.

Лётчики направляются к лётному домику. Юрий дал ещё несколько несущественных замечаний по полёту, роспуску и посадке.

В объективный контроль сдали кассеты бортовых самописцев САРПП и пилоты приземляются на лавочку, отдыхая. Везеловский снова прикуривает. А Касатонов откинулся назад, спиной на штакетник и вытянул скрещённые ноги перед собой, вновь и вновь прокручивает в памяти этот полёт. И пытается определить, что следует изменить в подготовке своего старшего лётчика к полётам...

Мимо идёт Валентин Герасименко.

— Юр, как отработали?

— Да, вроде, неплохо.

— Мы тоже чётко!

К отдыхающим лётчикам подошёл капитан Тимофеичев, инженер 3й аз, на самолётах которой летало эту смену наше звено, и доложил, что Везеловский в крыле привёз... крупный осколок! И показывает.

Секунда понадобилась всем на осмысление сказанного.

Писец котёнку! Картина маслом «Грачи прилетели»!

Касатонов берёт осколок в руку. Ого! Тяжёленький! Выкрашенный чёрной краской снаружи, со свежим чугунным сколом по краям.

— Большая дыра? — интересуется Юрий, чтобы хоть что-то спросить.

А сам думает: «Да, конечно, большая! И какое это уже имеет значение? Хоть даже самая маленькая!»

— Большая... Само собой, величиной с осколок!

— Погодите! А почему осколок чёрный? У нас же были бомбы, выкрашенные в серую краску!

— Одна бомба в группе была чёрного цвета, — пожимает плечами Тимофеичев.

— У кого? — кэзэ смотрит на лётчиков.

— У меня, — говорит Ряпцев. — Справа, на четвёртой подвеске.

— Так, это твоя «чёрная метка» у Влада? — с печалью усмехнулся Серёга Алесеевич.

Касатонов резко обернулся к Везеловскому:

— Вот цена тому, что ты бомбы сбросил позже всей группы!

Тот на опасность среагировал мгновенно:

— Когда я такое говорил?!

— Что-о-о?! — лётчик опустил свои глаза. — Немедленно отправляйтесь к самолёту! Осмотреть! Доложить!

— Сейчас пойду, — пообещал Везеловский, не вставая и, видимо, на зло командиру звена, продолжая посасывать сигаретку, по всем вероятиям, чтобы хоть чем-то досадить кэзэ.

— Не сейчас, а нимало не медля!.. Вста-ать! К самолёту! Быстро!

Везеловский понуро уходит на ЦЗ. Остальные лётчики звена идут в лётный домик. Алесеевич пытается балагурить:

— У четвёртого самолёта в звене, на четвёртой точке подвески... Чёрная-чёрная бомба, которая даёт чёрный-чёрный осколок...

— Серёга, — морщится Юрий. — Кончай ёрничать! Не до шуток!

...После доклада о случившемся всё завертелось. Комэск майор Орлов от услышанного со словами: «Твою мать!» стёк на диван. Командир полка полковник Кутряшов потребовал от лётчиков звена объяснительные: как бомбили, с каким боевым курсом, какие параметры выдерживали, что видели и т.д.

Дали распоряжение в группу ОК фундаментально дешифровать плёнки самописцев истребителей, на которых летали пилоты.

Вернулся понурый Везеловский. Уныло доложил, что дыра около 15-18 см, у самого закрылка, несквозная.

Юрий просто смотрит на своего бестолкового старшего лётчика...

— Из класса никому никуда не отлучаться! Я пошёл за бумагой! Будем объясняться письменно...

Возвращается – Ряпцева нет.

— А где Олег?

— Сказал, сейчас подойдёт!

Через минуту в классе появляется сияющий Ряпцев.

— Ты где был?

— Командир, всё нормально! В туалете!

— Я же сказал: никуда не выходить!

И спрашивает:

— На плёнках самописцев всё в порядке? Никакой каверзы не отыщут? Кроме того, что вы, Везеловский, сбросили бомбы «позже» да «получше»?..

— Ко мне претензий нет и не будет! — кивнул Сергей.

— Всё, вроде... — подтверждает Влад.

Ряпцев промолчал. Касатонова это насторожило.

— Олег?..

— ...Тут эта... На боевом курсе я... эта...

— Ну!..

— Так сказать...

— Что, «на боевом курсе»? Ну!..

Он вздыхает, будто решается на что-то. Потом произносит:

— Ладно!.. Чтобы не отстать, я включал кратковременно форсаж...

— Но зачем?! Ты что, отставал?

— На всякий случай... Я боялся отстать...

Касатонов всплеснул руками и возмутился:

— Ну что за лётчики! Блин! Один в группе бомбит, когда хочет, другой на боевом курсе в плотных боевых порядках форсажи включает! Кто вас этому учил?

Подчинённые молчали.

— Обожди, обожди! Ряпцев, не пойму! Я всех на БК хорошо видел! Все держались плотно! Когда ты «боялся отстать»?

— ...Ну... На боевом курсе...

— Может, ты выпустил тормозные щитки, и забыл об этом? Начал отставать, тяги не хватало и тогда включал форсаж?..

— ...Эээ... Ну да...

В глаза Олег усиленно не смотрел.

— Да не было у тебя выпущенных тормозных щитков! Я бы их заметил! Что-то здесь не так! Ладно. Потом плёнки я сам посмотрю, всё станет на свои места!

В те годы САРПП только начинали фундаментально осваивать. Однако следует оговориться, что в полку Юрий Касатонов слыл среди лётчиков лучшим «спецом по САРПП». Самописец он действительно знал превосходно. Имеем право так сказать. И хорошо владел навыками дешифрирования. Начинал его осваивать Юрий ещё курсантом в училище по своим плёнкам. И теперь он уже запросто отличал боевой разворот по типу спирали от боевого разворота по типу косой полупетли, пикирование с углом 20 от пике с углами 10°. С Юрием консультировались даже инспекторы из дивизии и замкомдива Таласов.

К этому моменту проявили плёнки бортовых самописцев всей группы. Но тут выяснилось, что... отсутствует кассета с самолёта Олега Ряпцева. Личный состав объективного контроля начал всё переворачивать, чтобы найти пропажу.

Юрий раздал чистые листы бумаги и предупредил:

— Писать только то, что было, коротко и по существу. Ничего не выдумывать, ничего не скрывать! Поймают кого-нибудь на вранье – потом не поверят в звене всем!

— И про форсаж тоже? — Олег посмотрел на командира звена в надежде, что тот санкционирует его молчание.

— Я пока не знаю, зачем это может понадобится, но и про форсаж тоже! Это на плёнке всё равно будет обнаружено.

— Зачем это писать? Всё равно они уже кассету не найдут!

— Что-что? Почему не найдут? — Ряпцев промолчал. — Так, пиши! Писать то, что было!

— Ну, зачем? — закапризничал Олег.

— Пиши! Всё по-честному! Я всё равно это укажу.

Все принялись за эпистолярное творчество.

Через пятнадцать минут Касатонов собрал написанное.

Читает. От объяснительной Везеловского Юрий оказался в лёгком шоке. Тот умолчал о том, что по команде ведущего не бомбил, а сбросил бомбы позже, но зато красочно расписывал, как кэзэ выводил из горки, отдачей ручки от себя, а он из-за этого вышел из строя влево.

Касатонов зачитывает вслух:

— *«Командир звена резкой отдачей ручки от себя перевёл свой самолёт в горполёт. Алесеевич не смог удержаться на своём месте и оказался выше ведущего...»*

— Какой «резкой»? — возмутился Сергей. — Когда это я не мог удержаться и

оказался выше ведущего? Ты чо, Везеловский? Ты это видел? Тебя в строю не было! Ты потерял группу! Что ты плетёшь, сволочь? Спасайся, кто как может? Все на прикрытие Везеловского?

— Заткнись! — зло бросает Влад.

— Лейтенант Везеловский, а ну без хамства! Это твой боевой товарищ!..

Поспокойнее, Сергей!.. И как это ты, Везеловский, умудрился заметить, что Алесеевич «не смог удержаться», если ты группу вообще потерял из вида, а в момент вывода был в зоне ливневых осадков? Я видел тебя в перископ: и когда нырнул туда – мы ещё были в горке, и когда выныривал оттуда – группа уже шла в горполёте. Напомнить? Я наводил тебя на звено!

Везеловский понуро безмолвствовал. Он просто воспользовался информацией, которую услышал из уст наших пилотов после полёта. И то, что Сергей «не удержался», «оказался выше», просто додумал: а вдруг, пока он, Влад, блудил в дожде, это было действительно так и здесь проскочит? Тогда можно делать на этом упор, чтобы кэзэ был посговорчивее и помог ему, Везеловскому, выпутаться из этой передраги. Иначе... Иначе он всем и на разборе расскажет такое... такое!..

— Ну чего вы молчите, товарищ лейтенант? Я жду ответа!

«Товарищ лейтенант» нервно потерял ручку.

— Ясно! Возразить нечего! Это первое. Второе. В любом случае, не вывод из горки явился причиной осколка в крыле вашего самолёта! Разве нет?

Даёт чистый лист.

— Писать то, что было с вами, Везеловский! Свои действия, а не как «не мог удержаться» Алесеевич! Это он о себе напишет, если это было! Или вы думаете, что начальство ухватится именно за это и все забудут об осколке в крыле вашего «мигаря»?

Касатонов настаивал из принципа. Хотя эта веселовская фраза ему ничем не угрожала: и Алесеевич, и Ряпцев в своих объяснительных указали, что слева стояла стена ливневых осадков, в которую заскочил Влад, а значит, наши отцы-командиры действия ведущего группы сочтут обоснованными.

Но Везеловский, переписав объяснительную, убрал из неё место, где Алесеевич «не удержался» в строю, но так и не написал, что сбросил бомбы не по команде ведущего, а «попозже» и «получше».

«А ведь Влад подл! — подумалось командиру звена. — Это сейчас речь идёт только о разборе случая с попаданием осколка в его самолёт. Где ему грозит всего лишь неприятности на полковом разборе и взыскание. Можно только предполагать, как он станет топить всех вокруг, если это будет подсудное дело в мирное время или что-то за его личные действия будет грозить ему расстрелом во время войны! Он по возможности постарается погубить всех. Просто за компанию или из мести, что ему не помогли выпутаться...»

— Почему ничего не написано о том, что бомбили не по моей команде? Что сбрасывали бомбы позже?

— Я не буду это писать!

— Надеетесь, это вам поможет? Ну что ж! Тем хуже для вас! Я указал это всё и об этом написали и Алексеевич, и Ряпцев, рассказав о нашем кратком слепополётном разборе. Полагаю, это подтвердит и РП на полигоне. Да и САРПП! Будете наказаны за своё поведение на разборе к основному наказанию за осколок в приказе по полку!

А объяснительные Касатонов отнёс командиру полка.

Тот читал их молча.

Потом полковник Кутряшов спросил:

— А что это там выделявал ваш Везеловский?

— Я не знаю, чем объяснить, что ведущий второй пары в нашем звене, находясь в составе группы, бомбил самостоятельно, а не по моей команде. Такой вариант при подготовке к полёту нами не отрабатывался.

— Что-то здесь не то! Что могло заставить лётчика бомбить отдельно от группы? Вы об этом не думали?

— Всё время думаю, товарищ полковник. Но пока понять не могу! А Везеловский молчит.

— С этим мы будем ещё разбираться. А потом?

— Потом он утверждает, что якобы закрыл капотом меня и Алесеевича, и, не наблюдая группу, отошёл влево от строя...

— Без доклада?

— Без доклада...

Видимо, наш разговор подслушивал Влад за дверью, ибо опасаясь, что кэзэ наговорит лишнего, тут же заглянул в комнату отдыха, чтобы своими комментариями попытаться подправить ситуацию в свою пользу. Главное – создать первое впечатление, это очень важно, его, это впечатление, потом труднее менять!

— Товарищ полковник, разрешите?

— Подозрительно лёгок на помине, — заметил это Кутряшов. — Заходите!

Командир полка повторяет вопрос. И Влад снова стал делать упор на вывод ведущим группы из горки отдачей ручки от себя. О том, что он нарушил план полёта и бомбил отдельно от группы – ни слова, ни полслова!

— А почему вы позже бросали бомбы с индивидуальным прицеливанием, а не по команде ведущего? Позже ввели в горку, то есть позже сделали противоосколочный маневр, а не вместе со всем звеном?

— Я не позже! Я со всеми!.. — Влад нагло лгал и здесь. Обладая болезненным самолюбием, он полагал, что на его месте так же повёл бы себя любой лётчик. А раз так, то все и каждый в отдельности сейчас просто обязаны прикрывать его враньё, какое бы гнусное оно ни было.

Касатонов с презрением наблюдал за поведением и этими жалкими потугами своего подчинённого – обелить себя путём очернения других.

— Лейтенант Везеловский! Вы сами сказали у самолётов мне и лётчикам звена, что бросали бомбы позже! Тогда мы, правда, ещё не знали об осколке в вашем самолёте. И вы тоже об этом не знали. Следующее...

— Юра...

— Во-первых, не Юра, а товарищ старший лейтенант! Вы не на посиделках, типа «у самовара я и моя Маша». Во-вторых, не смейте меня перебивать! Я тогда разобрал со всеми вашу ошибку и подчеркнул, что в группе все самолёты бомбят по команде ведущего и по команде выполняют противоосколочный маневр! А потом, когда капитан Тимофеевич доложил об осколке в крыле, я тоже в присутствии всего звена вам нажимно заметил: «Вот цена того, что вы вывели позже!» Может, спросим у наших лётчиков? У инженера Зй эскадрильи? Чтобы понять, кто из нас лжёт! В-третьих... Разбираемся! Мы здесь! — командир звена показывает левой ладонью с уголком в наборе высоты. Вы вывели позже и здесь! — правая ладонь с таким же углом, но чуть

дальше и ниже. — Как вы можете «не успеть» с выводом из горки и закрыть меня и Алесеевича, если стоите не в строю и много ниже нас и своего ведомого? Да вы просто группу в этом положении потеряли, как только начали «индивидуально» бросать свои бомбы! Если бомбили «не позже», в горку вводили «со всеми», как вы сейчас пытаетесь втереть командиру полка, то почему оказались вне строя?.. Теперь слушаем вас!

Везеловский не проронил ни слова.

Полковник Кутряшов тяжело вздыхает:

— РП полигона по телефону доложил уже, как группа бомбила, — проговорил Виталий Иннокентьевич. — Указывает, что после сброса звено начало выполнять противоосколочную горку, а вы, Везеловский, пошли со снижением и бомбили отдельно, а не с группой!

— Со снижением? — Юрий был поражён. — Но зачем? Вы же доложили мне на послеполётном разборе, что высоту не теряли!

Ещё одна ложь Везеловского у самолётов!

— Со снижением... — подтверждает свои слова командир полка. — Так докладывает Белов. Он-то с чего подавал вам команду: «Горка! В набор!»?..

— Ну чего вы молчите? — нажимает Касатонов. — Вы же доказывали, что ту команду подавали нам всем, а не вам лично! Давайте, придумывайте ещё что-нибудь! Время работает против вас!.. Врать-то зачем, Везеловский?..

Влад стоял с потемневшим лицом и с ненавистью смотрел мимо Юрия. А возразить ему было нечего. Даже для него эта ложь стала очевидной. Сейчас он ненавидел своего командира звена за то, что он не прикрывает его и не говорит командиру полка, что во всём вина ведущего группы, а не его, Влада. Ненавидел он и полкача за то, что тот не раздраконит командира звена, и не спасает Везеловского, что ему приходится унижаться в объяснениях. Ненавидел и майора Белова — что не сказал, так, чтобы вины на сём старшем лётчике не было. Виновны должны быть, кто угодно, только не он, «великий пилот» Влад Везеловский!

Полковник Кутряшов поднимается с дивана и подходит к окну. Посмотрел на стоянку, поднял глаза к небу, оглядел облака. Затем повернулся к подчинённым:

— Ваша ошибка, лейтенант, всё равно будет определена в дополнение ко всему по средствам объективного контроля. Касатонов, можно ведь это определить?

— Да, путём наложения плёнок всей группы, товарищ полковник!

— Вот! И я так думаю! Командир звена говорит, что вы сбросили свои бомбы не по команде, а «чуть позже». Ряпцев и Алесеевич в своих объяснительных указали, что на послеполётном разборе вы, Везеловский, сами говорили это! РП полигона об этом сообщает. А вы почему-то об этом в своей объяснительной не написали и утверждаете, что бомбили по команде ведущего и со всеми! Как нам истолковать сие?

— Я... я упустил, товарищ полковник...

— Странное упущение, товарищ лейтенант!

— Вы не упустили, вы заявили мне, что не станете этого писать! — Касатонов безжалостно добивает подчинённого за его тупость.

Влад пытается испепелить своего командира хорошей молнией.

— Че-е-его?! — поднял клочкастые брови полкач. — Да что мы здесь, игры затеваем: хочу — рассказываю, как было, захочу — придумваю, или по желанию — вообще умолчу о том, что мне невыгодно? И неужели вы думаете, что если вы об этом не напишите, то никто о вашей ошибке не узнает? В любом случае, не вывод звена из горки

отдачей ручки от себя, на что вы делаете упор, стал причиной осколка в крыле вашего истребителя и потери вами своего места в строю, Везеловский!.. Или вы думаете по-другому?.. К тому же, исходя из метеоусловий, командир звена действовал правильно! Да и нигде и никем не запрещается группе выводить из горки отдачей ручки от себя! Ведущий группы, сообразуясь с обстановкой, принял такое решение, это его право! На то он и ведущий! А ведомые обязаны – не «должны», не «имеют право», а «обязаны»! – держаться за своим ведущим при любом его маневре и не терять его из виду! На то они и ведомые! Для этого групповую слётанность в зоне и по маршруту отработываем. А как противоракетный и противоистребительный маневры выполняются? Плавно, что ли? Все, кто делал это плавно в локальных конфликтах, попадают в списки погибших!

Командиру полка Влад не посмел ни дерзить, ни возражать. И счёл нужным благоразумно промолчать.

— М-да... — медленно проговорил полковник. — Свои ошибки надо не скрывать, Везеловский, а признавать! Честно, открыто, по-офицерски! Особенно те, что очевидны для всех! Для этого нужно известное количество мужества. И не пытаться переложить свою вину на других вообще и, уж тем более, на своего командира звена в частности... Он в любом случае несёт ответственность за вашу подготовку к полётам, за полёт, который осуществлялся под его началом и за последствия. А вы, лейтенант... ненадёжны!.. Сейчас взять бумагу и написать, как было, «без упущений»!

Командир полка поворачивается снова к окну.

— Есть! — от волнения хрипло ответил Влад.

— Свободен!

Везеловский вышел бледный как спирохета. Он-то заскочил в комнату отдыха, чтобы исправить ситуацию в свою пользу. Эх, не сумел!

Касатонов счёл, что это команда не для него и остался.

Кутряшов краем глаз замечает старшего лейтенанта:

— Повнимательнее с такими подчинёнными! Такие предадут в любую минуту!

Оставят в беде, бросят в воздушном бою, надеясь, что командир не вернётся из боя и уже никому об этом ничего не расскажет!..

— Ясно, товарищ полковник!

— Больше уделяйте внимания тренажам в кабине с подчинёнными, что ли. Хотя мне докладывают, что вы и так этим занимаетесь немало... Натягивайте их дальше, если не понимаете! Добейтесь понимания! Идите! Мне надо подумать!

Проявленные и дешифрованные плёнки САРПП зарегистрировали в момент атаки у всех самолётов группы разные параметры:

На самолёте Касатонина: Нпр.=410 м, Vпр.=850 км/ч, перегрузка на выводе – 3,0.

У Алесеевича: Нпр.=430 м. Vпр.=870 км/ч, перегрузка – 3,0.

У Везеловского: Нпр.=200 м (!), Vпр.= 890 км/ч, перегрузка – 2,0 (!).

— В общем, у них был не строй, а бардак! — заявил майор Краснолобов, инженер АО дивизии, мелкого росточка седой человечек, который всегда с обожанием смотрел на всех, кто выше его по положению, и с презрением – на тех, кто ниже. Такие хорошо приживаются в курятнике.

Между тем, прибывший с полигона РП начальник ВОТП майор Белов в своей докладной указал обратное:

«...Группа подошла к полигону на истинной высоте 300 м. Строй был плотным, все

ведомые шли с превышением. <...> После команды ведущего «Сброс», самолёты ведомых сразу пошли в набор вслед за командиром звена, а третий самолёт, 945й (лейтенант Везеловский), не сбросив бомбы со всеми, вдруг, не переводя истребитель в горку, полого пошёл вниз, отбомбился на пару секунд позже. Мне пришлось подать команду: «В набор! Горка!». Везеловский после сброса бомб и по моей команде перевёл в набор, однако, видимо, не наблюдая самолёты звена, самостоятельно, без доклада, начал уходить влево... Его ведомый, 946й (л-нт Ряпцев) в эфир нервными вскриками проинформировал своего ведущего о местонахождении группы. Моё вмешательство не понадобилось, т.к. командир звена 943й (ст. лейтенант Касатонов) разобрался в обстановке сам, выдержанными и уверенными командами успокоил эмоции ведомых и собрал группу. Поэтому я никаких команд не подавал.

□□□□□ Бомбы группы легли в цель (прямое попадание в левую оконечность и по центру ротного опорного пункта), бомбы 945го (лейтенанта Везеловского) упали со значительным перелётом на склоне следующего холма у самой границы полигона в 550 метрах от цели (более 2ВО), что является предпосылкой к лётному происшествию...

□□□□□ Следует отметить, что я не определил отделения бомб у крайнего самолёта группы, 946го (лейтенант Ряпцев). Однако не исключаю, что просто их не заметил, т.к. они по методу трёх точек могли визуальнo соединиться с бомбами ведущей пары.

□□□□□ Стрельба из пушек во втором вылете по метеоусловиям была изначально запрещена. Поэтому группа после сбора отошла от огневого полигона в плотных боевых порядках на 1100 м из-за облачности».

Плётку самописца с самолёта Олега так и не нашли...

3. ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ *Не бойся летать! Ещё никто не остался в небе!*
Кто-то из современников. Может быть, и я...

...В тот вечер эти наши лётчики сидели в учебном корпусе до 23х часов. Звено по точкам (через каждую секунду) рассчитывало местоположение самолётов после сброса бомб и в момент их разрыва, ибо подполковник Таласов уже обвинил пилотов в

нарушении методики бомбометания с горполёта. Полковник Кутряшов приказал сделать расчеты посекундно и уехал на новую дешифровку плёнок САРПП после тарировки самописцев.

А Юрий пытался понять четыре вещи:

(1) С чего это вдруг Везеловский не сбросил бомбы по команде ведущего, а бросал индивидуально, абы куда? Что могло стать причиной этого? При бомбометании в группе ответственность за точность попадания (а, значит, и оценку боевого применения) лежит на ведущем. Ведомые с удовольствием этим пользуются и бомбят по команде командира. Точно отбомбились – никто за это даже спасибо не скажет («Это ваша обязанность!», «Такова ваша работа!»); не попали – пороть будут ведущего, а не их! А тут лётчик третьего самолёта в звене вдруг решил взять ответственность за своё бомбометание на себя, сбросил мимо, даже не по цели, зная наверняка, что бомбы упадут с перелётом. Оценка ему однозначно будет «неудовлетворительно» (а для всей группы – на балл ниже от их результата). А Везеловский всё же бросал! Почему? Не понимал, что не попадёт? Надеялся, что это всё не увидит РП на полигоне? Нет, тут что-то другое! Но что?

(2) Зачем Ряпцеву понадобилось кратковременно включать на боевом курсе форсаж, если вся группа шла плотно, и он стоял на своём месте? Включение форсажа, даже кратковременно приведёт к резкому, скачкообразному росту тяги движка. Это без вариантов ведёт к тому, что истребитель Олега, если не обгонит самолёт Везеловского, то поравняется с ним. Ряпцеву будет не до прицеливания, ему надо будет опять занимать своё место в строю. И это дёрганье на глазах РП полигона... Всё это подсказывало Юрию, что никакого включения форсажа не было. А если не было, то зачем Олег это придумал? И тут загадка!

(3) Куда запропастилась кассета САРПП с самолёта Ряпцева? Если он её стащил из ОК после сдачи, что, скорее всего, то для чего это ему было нужно? Что он хотел на ней скрыть? Кратковременное включение форсажа, непредусмотренное заданием на полёт? Но он об этом сам доложил. Зачем он об этом доложил, если кассету Олег уничтожил? Или наоборот – зачем он похищал кассету, если о включении форсажа сам же потом доложил? Что ещё могло быть такого на плёнке, чего бы Ряпцев пытался затушевать рассказом о включении форсажа, которого на самом деле не было? И связано ли это с попаданием осколка в крыло везеловского «мигаря»? Нет, вряд ли! Тут что-то иное! Но что?

И ещё!

(4) Зачем Ряпцев так истошно кричал в эфире Везеловскому? Ведь обстановка не была аварийной! А он кричал! Причём, в каждой фразе был позывной Влада... Хотел, чтобы это осело в памяти командира звена, всей группы и РП полигона?

Эти вскрики Ряпцева у Юрия стояли в ушах:

«945й!.. 45й, убери крен!!! Выведи из разворота, 945й!!! Убери крен!!! 945й, выведи из разворота, группа справа!!!»

Сперва был только один позывной... Вроде как задумался: как быть? А после короткой паузы, когда принял решение, всё остальное скороговоркой! Выходит, подставлял Везеловского? Но зачем? Может, хотел отвлечь внимание всех от своих ошибочных действий? Каких? Надеялся, что все ухватятся за эту ошибку 945го и не заметят какую-то ошибку 946го? А тут ещё форсаж!..

«Олег, Олег! Что же ты хочешь от меня скрыть?..» — размышлял командир звена.

Не ЛТУ, а сплошной авиадетектив! Загадка на загадке...

В 22.45 Касатонов был вызван в кабинет командира полка.

К этому времени расчеты были закончены и все данные сведены в таблицу. На эскизе в черновом варианте была изображена схема полёта группы и бомб после их сброса. К моменту подрыва бомб на земле у трёх наших самолётов высота была 680 метров, у самолёта Везеловского – 410 метров. Радиус разлёта осколков у бомбы ОФАБ-100нв – крупных – 750 метров, мелких – 900 метров. В момент достижения осколков бомбы своего максимально радиуса у наших самолётов высота была 950 метров (т.е. три самолёта звена были вне досягаемости осколков), самолёт Влада при позднем сбросе и вялом вводе в противоосколочный маневр был на высоте 780 метров, его осколки запросто догоняли, он был просто в зоне поражения... Но это мелкие осколки, а он привёз крупный... Случайность? Тогда даже чудо, что осколок схвачен только один...

4. ПОЕДИНОК □□ *Если тебя не любят – не выпрашивай любовь. Если тебе не верят – не оправдывайся. Если тебя не ценят – не доказывай.*

Правило офицера № 1

Юрий постучался в кабинет – не украдкой, не тихо, а громко, резко. Чтобы ни у кого не было даже мысли, что он заискивает или пытается загладить какую-то там свою вину.

— Товарищ полковник, прошу разрешения!

Командир полка кивнул:

— Заходите! Сделали?

Виталий Иннокентьевич без интереса смотрит принесённые бумаги. Потом отодвигает их чуть от себя.

— В общем, Касатонов, так! Только что мы заново дешифровали плёнки после тарирования САРПП. Вот что они показали: у вас приборная скорость была 870 км/ч (истинная получается после перерасчёта 900 – авт.), высота приборная... 270 метров (истинная 190 – авт.)! Перегрузка на

вводе в горку – три единицы!

Сказать, что Юрий был просто поражён – значит, ничего не сказать!

— Товарищ полковник! У меня была высота по прибору 400 метров! Это истинная – 320!

— Не знаю! — повышает голос полкач. И добавил поспокойнее: — Я говорю то, что показал САРПП!

— А у Алесеевича?

— У Алесеевича мы не мерили... — Потом вдруг спохватился: — То есть, мерили! У него почти те же параметры, как и у тебя. У Везеловского приборная высота 200 метров (истинная высота 120 м – *авт.*), скорость – 900, перегрузка – два!

— Товарищ полковник! Я думаю, лётчик 200 метров истинной высоты от 300 визуально отличить может! Да и показания высотомера перепутать нельзя!

— Я не знаю! САРПП! Этот прибор объективный!

(Помнится, Валентину Косыгину, начальнику штаба 2й эскадрильи, он говорил нечто обратное! Тогда они полетели на бомбометание ночью на спарке, Кутряшов – инструктором в задней кабине. И на разборе отпорол Косыгина по полной! Валентин тогда сослался на показания САРПП, который в том полёте показал высоту вывода 480 метров. А командир полка сказал, что реально было 150! И отодрал нашего НШ во всех позах, как хотел! Оформил ему предпосылку к ЛП.)

В это время в кабинет стремительно ворвался замкомдива подполковник Таласов, с ним зашли командир эскадрильи майор Орлов и наша «святая» троица.

До них довели результаты дешифрирования. Комэск и лётчики звена тут же уставились на Юрия: Орлов выжидающе, Алесеевич настороженно, Везеловский с какой-то внутренней радостью, Ряпцев равнодушно.

Указывая на эскиз схемы пальцем, «морда ящиком» сказала:

— Здесь для разбора в чистовом варианте указать высоту не 300 метров, а 190!

— У меня было 400 метров по высотомеру! — произнёс Юрий.

— А я вам говорю – 190!! — **повысил голос** Таласов.

— Товарищ подполковник, у меня было 400 метров по высотомеру!!

— А Везеловский, кроме того, вывел из атаки позже. Что тоже зафиксировал САРПП. На две секунды! На две секунды позже ведущего и всей группы! Так что, Ряпцев остался без осколков чисто случайно! А вот его ведущий получил отметину! — пытаюсь примирить всех, закончил полковник Кутряшов.

— Кстати, позже он вывел и по докладу РП на полигоне, и по вашему, — Таласов поднимает на Юрия свои тяжёлые глаза, — докладу.

— У меня было 400 метров по высотомеру!..

— **Мол-ча-а-ать!** — гаркнул Таласов.

— ...У меня было по высотомеру 400 метров!! — злым взором, без обожания, глядя прямо в глаза представителя очень малой народности, упрямо твердил командир звена.

— Молчи, лейтенант! Иначе выгоню! — это Кутряшов.

— Почему вы мне не верите? Я вам когда-нибудь врал? Вот стоит командир эскадрильи майор Орлов, он вам подтвердит: в серьёзных вещах я никогда не лгу! Выходит, все жить хотят, один я не хочу? Так, что ли? У нас были подвешены осколочно-фугасные бомбы колоссальной убойной силы! Да что я, самоубийца, что ли?! А у меня в группе ещё три лётчика, за жизнь которых я отвечаю! Они видели ту же высоту в 400 метров у себя на высотомерах! Спросите у них! Даже Везеловский,

который меня сейчас ненавидит за то, что я его не прикрываю и не беру его осколок на себя, вам это подтвердит!

— Я верю объективному контролю! — уже спокойнее сказал Таласов и опустил глаза в принесённую Юрием схему.

У пилотов никто ничего не спрашивал. Другими словами, командиры были уверены, что лётчики звена подтвердят слова Касатонова. И отнюдь не потому, что он их об этом просил!

— А свидетельству РП полигона вы также не верите? Майор Белов, выходит, тоже виноват, что не запретил нам атаку! Перед нами на 300 метров прошли три звена, мы были завершающими! Он легко запомнил, как проецируются самолёты на высоте 300! Уж он-то, опытный и лётчик, и руководитель полётами, может отличить на нашем родном полигоне, на котором он не раз руководил, истинные высоты 200 метров от 300, тем более после трёх групп, что прошли перед нами!

Касатонов делает паузу для оценки сказанного.

— Объясните мне: зачем нам держать высоту 200 метров, т.е. на 100 метров меньше расчётной? Ну, не понимаю я этого! — и с акцентом: — **ЗА-ЧЕМ?!!** — Снова пауза и дальше спокойнее: — Когда все расчёты по бомбометанию у нас сделаны для трёхсот! Ведь в этом случае бомбить мы будем навскидку, не прицельно!

— А скорость плюс 50 км/ч на боевом курсе, вы по каким расчётам держали? — глянул на командира звена исподлобья Таласов. — Значит, были у вас и другие расчёты? На меньших высотах? Ну? Что?

— Других расчётов бомбометания не было! У нас штурманский план был выполнен для полёта по всему маршруту. От третьего поворотного оговорено, где уменьшать скорость до 850 км/ч. От второго ППМ ничего не рассчитано. Вы знаете, мы из-за погоды по маршруту до конца не пошли, а с ППМ-2 довернулись на полигон. Всё внимание уделял ведению ориентировки, своим ведомым и поиску цели. Поэтому про скорость я упустил. Понимаете? Упустил! А когда вспомнил, мы уже были на боевом курсе. Чтобы мои ведомые не дёргались перед бомбометанием, я не стал прибирать обороты и уменьшать скорость! В звене если ведущий уменьшит обороты на 5%, то его ведомый, чтобы удержаться в строю будет какое-то время водить РУД $\pm 10\%$, третий ведомый — $\pm 20\%$, а четвёртый от малого газа до максимала, пока всё не утрясётся! Какое уж тут будет кучное бомбометание? А скорость плюс 50 даст относ бомбы всего лишь на плюс 10-15 метров. По нормативам бомбометания в горполёте, это не отклонение!

— Тут я с ним согласен! — проговорил комполка.

И Касатонов, окрылённый поддержкой хоть в чём-то, продолжил:

— А теперь дальше! Для чего я снижаюсь ниже установленной высоты, зная, что РП полигона может запретить мне атаку в любую секунду, обнаружив нашу ошибку? На что я рассчитываю? Кого хочу этим удивить? Майора Белова? Себя? Своих лётчиков? — и Юрий почти **вскричал**: — **КО-ГО?!**

Пауза ровно настолько, чтобы замкомдива понял весь абсурд предлагаемой им ситуации, но не смог ничего вставить в ответ. И продолжает:

— Ещё можно понять — хулиганить по-чкаловски, носиться на предельно малых высотах где-то по району, когда этого никто не видит — удаль свою проверить и себе что-то доказать! А потом, случайно пойманный с поличным, защищаясь, лгать и изворачиваться, доказывая, что высота была заданная — тут всё ясно, вопросов не возникает! Но на глазах у РП полигона, начальника ВОТП, офицера управления полка?!

Зачем мне рисковать вашим доверием, товарищ полковник, — взгляд на Виталия Иннокентьевича, и снова в сторону Таласова: — своей репутацией молодого командира звена и своей жизнью? — кэээ поднёс руки на уровень лица и снова **возгласил**, встряхивая ими: — Объясните мне:

ЗА-ЧЕ-ЕМ?!

— **Я верю САРППу!** — тоже повышает голос замкомдива.

Больше ему возразить было нечего.

— А людям, военным лётчикам, своим офицерам, вы не верите? — Юрий уставился на замкомдива.

И, поскольку Касатонов не мигал, его, ставшие страшными, глаза поневоле стали наполняться слезами – не от жалости к самому себе, не от бессилия, а от ярости, и следующая фраза вышла с клокотаньем и шепотом:

— Как же вам ещё доказать? — Потом чуть на повышенных тонах, с вызовом: — Скажите, как?! И я немедленно сделаю это!

И вдруг Юрий суёт руку за борт кителя, расстегнул пуговичку нагрудного кармана форменной рубашки, а затем бросил ладонь на стол.

Когда он руку убрал на столе остался его партийный билет...

— Вот! Я кладу на стол партбилет! И утверждаю, что высота у меня была 400 метров по прибору! Больше я ничем доказать вам не могу! Больше вы ничему не верите!

Все – Таласов, Кутряшов, Орлов, Алесеевич, Везеловский, Ряпцев – тут же уставились на краснокожую книжицу.

В кабинете на несколько секунд наступила тишина. Было слышно, как в коридоре на посту у Знамени полка часовой звякнул чем-то металлическим о карабин СКС. Таласов закусил нижнюю губу.

— Этим не бросаются, — тихо, даже показалось всем, устало заметил замкомдива.

— А я этим и не «бросаюсь»! — снова Юрий делает акцент: — **У меня на высотомере было 400 метров!! Всё!!!**

Я больше ничего не знаю!!

А там можете своим решением назначить мне любую высоту! Хоть минус 200! От этого истина не изменится!..

Тут чуть начал говорить спокойнее, переводя дух:

— И на полковом разборе буду утверждать также, что в нарушении методики бомбометания **Я НЕ ВИНОВЕН!!** Что все выводы расследования – **ЛОЖЬ!** Что командованием дивизии для чего-то

ВСЁ ПОДТАСОВАНО!

Даже если вы меня станете гнать из клуба! Но рот вы мне не закроете!..

Касатонов перевёл дыхание. И, поскольку возражений не последовало, продолжил:

— Ещё раз! Я – не самоубийца, чтобы в плотных боевых порядках со своими подчинёнными снижаться ниже расчётной высоты, имея под крыльями шестнадцать осколочно-фугасных бомб с ввёрнутыми взрывателями мгновенного действия в них! Ещё можно что-то обсуждать, если бы взрыватели стояли с замедлением, на минирование! Или сотки были с тормозными устройствами! Но бросать ниже минимально-безопасной высоты бомбы без парашютов со взрывателями мгновенного действия – **это осознанный суицид!!**

Вы на это пойдёте? Почему же думаете, что на это решусь я?! — и на повышенных тонах: — А

главное – объясните мне:

ДЛЯ ЧЕ-ГО-О??!

Юрий аккуратно взял со стола партбилет и бережно положил его в нагрудный карман. Пуговичка рубашки, как назло, долго у него не хотела застёгиваться.

А Таласов, почувствовав, что моральная обстановка переваливает в пользу командира звена и всей группы, вдруг снова **сорвался на крик:**

— Вот так тоже один махал партийным билетом! Говорил, что в предштопорном положении у него была перегрузка два! А потом выяснилось – шесть! И ему пришлось катапультироваться из исправного самолёта!

Этот случай замкомдива раньше рассказывал лётчикам, только про партбилет почему-то сейчас добавил. От себя, наверное. Для вескости...

— Так, вы мне сегодня не верите только потому, что тот лётчик вам тогда солгал? Какое отношение к той лжи имею я? Товарищ подполковник, ваши аналогии в данном случае неуместны! А если бы тот лётчик про тот полёт сказал вам правду, вы сейчас бы мне верили?!? А с вами никто никогда честным за всю вашу жизнь не был?! Ну так, поверьте мне, потому что с вами кто-то однажды был правдив!..

Молодой офицер сглотнул огромный ком в горле.

— Короче и проще: у меня было 400 по прибору!! **Я вам сказал правду!!** Хотите вы или нет, я выдерживал расчётную высоту 400 метров! Что пишет САРПП, меня в полёте не интересует, поскольку я это проконтролировать не могу! Я пилотирую не по показаниям самописца, а по высотомеру в кабине! И вы, кстати, тоже!

— А почему тогда Везеловский привёз в крыле огромный осколок бомбы с полигона? — **взревел** Сергей Викторович своим скрипучим голосом и чуть поддался корпусом к Юрию, выкладывая последний аргумент по факту, который никому не опровергнуть, не оспорить, и полагая, что здесь этому упрямому кэзэ возразить будет нечего. — Ваш лётчик сегодня чуть не погиб! Или бросил бы самолёт, попади осколок в двигатель, товарищ командир звена!

ПО-ЧЕ-МУ?!

Касатонов не отшатнулся, а тоже подал себя вперёд. Между ними был лишь столик для посетителей, приставленный перпендикулярно к письменному столу командира полка. И они уставились, не мигая, глаза в глаза в сантиметрах двадцати друг от друга! Казалось, замкомдива ощущает дыхание Юрия, а Юрий – его.

И тут до Касатонова дошло, почему Влад бросал сам, не со всеми, наплевав на команды ведущего, и отчего он потом потерял всю группу из вида! Это было какая-то вспышка, какое-то озарение по загадке, над которой наш командир звена ломал голову всё время.

И Касатонов, разделяя каждое слово, **закричал:**

— **Потому что Везеловский – дурак!** Потому что на боевом курсе по моей команде вместе со всеми не включил «Тактический сброс»! Решив включить его самостоятельно позже! А потом, уделяя внимание сохранению своего места в строю, начисто забыл о нём!

В кабинете это речение содеяло эффект разорвавшейся бомбы! Пожалуй, осколок в крыле МиГа сегодня произвёл меньшее впечатление, чем сказанное сейчас Юрием! Все тут же ошарашено, как по сигналу, уставились на Влада, ожидая его реакции на эти слова!

Не все, впрочем. Касатонов продолжал смотреть на замкомдива, а он, глянув, прицениваясь, на Везеловского, снова медленно повернул голову к Юрию. И последний,

казалось, видел все глубины глазной сетчатки подполковника.

— Потому что по моей команде «Сброс», нажав боевую кнопку, он не услышал срабатывания замков бомбодержателей, тут же вспомнил о «Тактическом» и полез рукой к «бороде», чтобы его включить! И таким образом, потеряв высоту около 120 метров, сбросил бомбы с опозданием на две секунды! Совсем уже не по цели, а чтобы не везти подвески назад! И любой ценой скрыть от меня эту свою ошибку! Потому что вводил в противоосколочный маневр после атаки с вялой перегрузкой! Из-за этого, только из-за этого его самолёт мог оказаться и, скорее всего, оказался в зоне разлёта осколков бомб всей группы! А потом, не исключая, и своих!

— Погодите! Погодите!! **ПОГОДИТЕ!!!** — **вскричал** командир полка, схватившись за голову и вскакивая с места. — Везеловский, так это было? —

И во всё горло: — ЧЕГО ВЫ МОЛЧИТЕ?!!

От окрика командира полка лейтенант вздрогнул и только опустил глаза. Влад совершенно не ожидал, что в насыщенной эмоциями атмосфере причина его ошибки будет вскрыта именно сейчас. И он не нашёл в себе сил что-то возразить. А Кутряшов буквально плюхнулся в кресло с пароксизмом вместо слов:

— Ё* же вашу мать! **КРЕТИН!**

Касатонов выпрямляется:

— Да другого разумного объяснения его поведению, товарищ полковник, просто не существует! — продолжает командир звена. — Ведомые групп НИКОГДА не бомбят с индивидуальным прицеливанием! Вам ли этого не знать? А я Везеловского достаточно хорошо изучил! В ту секунду, проклиная себя и думая о том, что теперь будет ему на разборе, он забыл обо всём на свете! Наклоняется всем корпусом к тактическому выключателю, и упускает контроль за высотой! Вот отчего его самолёт снизился, а он потерял из виду всё звено! Если это не так, упустить из поля зрения два огромных истребителя – мой и Алесеевича – в 30 метрах слева от себя при нахождении в строю просто невозможно!

Юрий перевёл дыхание и дал всем осмыслить услышанное.

— А если мы шли на высотах 190 метров, как вы настаиваете, Везеловский вывел бы свой МиГ у самой земли!!.. — и чуть тише проговорил: — Если вывел бы вообще!..

— Идиот! — тихо вырвалось у Орлова в сторону Влада. — Кто же смотрит в кабину на малых высотах и бомбит боевыми бомбами позже всей группы? Ты же мог погибнуть, столкнувшись с землёй или попав под осколки и ударную волну!!

А Касатонов продолжил:

— Я вам возвращаю ваш же вопрос, товарищ подполковник! Если бы мы бомбили с высоты 190 метров, тогда почему осколок только один и лишь у Везеловского? — И добавляет на повышенных, очень повышенных тонах: — **Да мы должны были вернуться ВСЕ В ОСКОЛКАХ!!**

— Юрий, не глядя, резко по столу подвинул схему и расчеты, лежавшие перед комполка, замкомдиву. Затем, уже тише, продолжает: — Или не вернуться вообще! Либо у Везеловского должна быть не одна дырка! Так как наши бомбы в этом случае раньше долетят до земли, а, следовательно, и взорвутся раньше! Вы же лётчики, опытные авиационные командиры! Отчего вы, товарищ подполковник, не хотите об этом подумать?.. Вам нужна истинная причина случившегося или просто виновные?..

Почему вы мне не верите?!!

Я пытаюсь докричаться до вас, а вы меня не слышите!! — снова на повышенных тонах и

жест руками чуть ниже лица: —

Я хочу понять: ПО-ЧЕ-МУ?!?

И немигающий страшный взгляд распахнутых касатоновских глаз в тоже немигающие глаза заместителя командира дивизии.

В кабинете тяжёлой патокой повисла тягучая тишина...

Юрий передвигает взгляд с замкомдива на командира полка. И ждёт ответы на свои «восклицания»...

Они оба рассматривали старшего лейтенанта оценивающе, будто видели впервые.

Командир эскадрильи Орлов с презрением смотрел на Везеловского.

Тот глядел на носки своих ботинок, и нервно повёл головой, переводя взгляд на портрет Ленина в кабинете.

Алесеевич и Ряпцев взирали на своего командира звена широко отворенными глазами: так с замкомдива на их памяти ещё никто и никогда не разговаривал...

— М-да... Значит, так! — тихо проговорил командир полка, видимо, посчитав, что тема разговора исчерпана. — Все в данную минуту устали и на взводе. Лётчики, сейчас отдыхать! Мы здесь подумаем. Завтра будет день, будет пища... — и тяжело переводит дыхание. — Своё решение я вам сообщу. Свободны!

Офицеры эскадрильи вместе козырнули, одновременно повернулись и вышли.

5. ЛЁТЧИК ЛЕЙТЕНАНТ ОЛЕГ РЯПЦЕВ На улице Юрий посмотрел на ставшее чистым тёмное монгольское звёздное небо и вздохнул полной грудью.

Вот это бой! И он, кажется, остался за ним. Но это ещё не всё... Не всё ясно — ни его начальникам, ни ему.

Орлов, матеря Везеловского, и Алесеевич пошли к дежурному автобусу, который стоял у ворот, а Юрий попридержал Ряпцева. Они остановились, и лётчик вынужден был развернуться к своему командиру звена.

— Олег! Что было у тебя на плёнке САРПП? Что ты от меня скрываешь?

— Кратковременное включение форсажа, — пожал плечами лётчик.

— Ты никогда не признаешь своих ошибок, даже очевидных! А здесь ты вдруг сам

докладываешь о форсаже? Да ещё после того, как кассета исчезла из ОК?

— Я исправляюсь, товарищ старший лейтенант! Хочу, как вы, стать лучше, честнее и принципиальнее!

— Не то! Что ещё было в параметрах, кроме форсажа? Я всё равно узнаю! Лучше скажи сам! Ну!

— Командир, ничего другого больше было...

И он собирается повернуться, чтобы прекратить неудобный для него разговор и направиться к автобусу.

Тогда Касатонов вдруг хватает Олега за воротник шевретовой куртки, встряхнул лётчика, резко притягивает его к себе и, глядя в глаза, вопрошает:

— Ты что... с нами не бомбил? Белов написал, что он не видел твоих бомб! Куда ты их бросил? **Говори!!**

И улавливает испуг в глазах подчинённого. Ряпцев явно растерян. Но тут же берёт себя в руки:

— Что вы такое говорите, товарищ командир звена? РП полигона написал, что НЕ ЗА-МЕ-ТИЛ... мои бомбы. Что они, возможно... – ВОЗ-МОЖ-НО! Улавливаете? – ушли вместе с вашими и Алесеевича! И потом... Если бы я с вами не бомбил, то, как чёрный осколок моей бомбы оказался в крыле «мигаря» Везеловского, *который снизился на боевом курсе?* Ну?

Чёрная бомба была в группе только одна – У МЕ-НЯ!

Руки командира звена медленно разжимаются и Олег поспешно делает на всякий случай от Юрия шаг назад. Поправляет воротник куртки. И посмотрел в сторону подходивших к автобусу наших товарищей. Затем глянул кэээ в лицо. Не в глаза, а именно в лицо! И взгляд его как бы говорил: что, съел?

«А ведь это логично! — подумалось Касатонову. — Против этого возразить нечего! Кроме того, что...»

— А почему у него только твой осколок и нет наших – моих бомб и Алесеевича?

— Понятия не имею! — отвечает Олег.

— ...Я всё равно узнаю, что ты скрываешь! День буду думать, два, неделю, но всё равно догадаюсь! Как догадался с «Тактическим выключателем» Везеловского!

— То Везеловский, а это я! Я работаю чисто! Догадывайтесь, товарищ старший лейтенант! Желаю успеха! — усмехнулся Олег, даже не усмехнулся, а как-то нехорошо скривил в усмешке рот. — Пойдёмте! Нам Орлов машет из автобуса!

